

Отчеты о конференциях

УДК 930.1

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ФИЛОСОФИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ В КОЛОМНЕ

А.В. Горобий

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье дается обзор материалов, представленных на научной конференции «Философия и методология истории», которая состоялась в Коломенском государственном социально-гуманитарном университете 27–28 ноября 2015 г. Автор, который сам был одним из участников конференции, анализирует содержание докладов и в отдельных случаях выделяет некоторые дискуссионные моменты. Особое внимание уделяется фиксации тенденций в развитии российской и мировой философии истории, если эти тенденции нашли отражение в материалах конференции.

Ключевые слова: философия истории, методология истории, теория истории, историческая память, исторический опыт, конвенциональность, объективность.

В Коломне, в Государственном социально-гуманитарном университете (ГСГУ) регулярно проводятся всероссийские научные конференции «Философия и методология истории». Для нашей страны эти конференции по-своему уникальны. Они уникальны как возможность для ученых-философов и историков из разных городов лично встретиться с коллегами, обменяться мнениями, обсудить актуальные вопросы гуманитарного знания – короче говоря, «сверить часы», как сказал организатор этих конференций канд. филос. наук, доцент Сергей Глебович Калашников на открытии очередной шестой конференции, состоявшейся 27–28 ноября 2015 г.

На пленарном заседании д-р филос. наук, профессор Е.В. Золотухина-Аболина (Южный федеральный университет) представила свою гипотезу о том, что с началом индустриальной эпохи массовое сознание концентрируется уже не на прошлом, а только на настоящем. В современном мире умами людей владеет «искушение сиюминутностью»: они живут только «здесь и сейчас». Она видит 6 причин такого положения дел: 1) быстрое развитие технологий, из-за чего опыт предыдущих поколений обесценивается; 2) массовые миграции, из-за которых меняется идентичность и историческое сознание обрывается; 3) постмодернистское восприятие истории как нелинейной; 4) переписывание истории в угоду идеологии; 5) влияние СМИ и Интернета, для которых важен только сегодняшний день; 6) установка современной психологии и психотерапии на жизнь «здесь и сейчас» (в частности, в рамках гештальт-терапии). Безусловно, современные люди ориентируются на прошлое в

гораздо меньшей мере, чем в традиционном обществе. Однако не следует забывать о роли мифов в современном обществе. Мифы могут направлять сознание людей как в прошлое, так и в будущее. Немецкий историк Козеллек датирует разрыв с прошлым второй половиной XVIII – первой половиной XIX в., когда время трансформировалось из циклического в линейное. Однако к первой половине XIX в. относится романтизм, который мифологизировал прошлое. С другой стороны, на взгляд Козеллека, вся история Нового и Новейшего времени характеризуется устремленностью в будущее, когда люди живут не столько сиюминутностью, сколько «горизонтом ожиданий»: они возлагают свои надежды на проекты будущего, на различные утопии (коммунизм, национал-социализм). По-видимому, такая направленность в прошлое или будущее характерна, в основном, для народов с развитым метафизическим сознанием. Англо-американское сознание по преимуществу прагматично, а поэтому оно действительно ориентировано на сиюминутность.

Канд. филос. наук, доцент А.А. Линченко (Липецк, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ) сообщил в своем докладе о проблемах прощения и непощения. Им было поставлено несколько важных и очень сложных вопросов. 1. Ответственное отношение к истории: как найти взвешенный подход к истории, тем более в условиях, когда облик страны кардинально меняется? В частности, в какой мере можно говорить об «исторической вине немцев за Вторую мировую войну», когда 1/4 населения Германии (Einwanderungsland) сейчас уже составляют мигранты? 2. Исторический опыт как феномен, который не поддается рефлексии и теоретической экспликации (Козеллек, Анкерсмит). 3. *Этический* подход к историческому опыту, который должен быть выше *этнического*.

Далее канд. ист. наук, доцент О.А. Петухова (Смоленский государственный университет) изложила идейную эволюцию советских учебников истории до и после Великой Отечественной войны. Единая система советских учебников истории сложилась только в конце 1930-х гг., но с началом войны все курсы истории приходилось адаптировать к военным реалиям. В частности, учителя, рассказывавшие об истории Средних веков, должны были проводить параллели между крестовыми походами, «натиском на Восток» немецких рыцарских орденов и нападением гитлеровской Германии на СССР. В первых послевоенных учебниках подчеркивалась роль И.В. Сталина в победе над врагом, а другие советские военачальники редко упоминались. Война представлялась как «народная».

После пленарного заседания работа конференции продолжилась в рамках трех секций:

Секция 1. Философия истории в начале XXI в.: проблемы и перспективы развития.

Секция 2. Проблемы взаимодействия истории и общественных наук.

Секция 3. Актуальные вопросы преподавания истории в средней и высшей школе.

Я присутствовал на заседании секции 1. Открывал заседание доклад д-ра филос.наук, профессора В.С. Глаголева (МГИМО МИД РФ) о политизации исторической науки. В основе доклада лежит тезис о том, что историк в своей работе опирается на память – как современников исторических событий, так и последующих поколений. Однако индивидуальная и коллективная (социально-историческая) память во многом зависит от господствующего политического дискурса. Докладчик напомнил, что политическая история подвержена опасности фальсификации и мифологизации. Историк не может изолировать себя ни от исторического контекста, ни от политических факторов, но он не должен опираться только на память (современников событий или их потомков); чтобы не быть втянутым в политику, историк должен скрупулезно анализировать факты. Он должен учитывать последствия аббераций памяти и обращать особое внимание на фактологические лакуны, которые нельзя заполнять произвольно, повинуюсь только своему воображению. Комплексный подход к отбору и интерпретации фактического материала позволяет минимизировать конъюнктурность научного дискурса.

Канд. филос. наук, доцент О.В. Герасимов (Самарский государственный технический университет) представил свою трактовку феномена исторического опыта. По его мнению, социально-исторический опыт, связанный с социальной практикой «освоения» прошлого, – это лишь одно из проявлений исторического опыта. Другими его проявлениями являются опыт ностальгический (эстетическое переживание прошлого, тоска по прошлому), опыт источниковедческий (опыт историка как исследователя), опыт историографический (опыт описания истории), опыт нарративный (опыт превращения прошлого в рассказ) и опыт герменевтический (опыт понимания). Следует иметь в виду, что социально-исторический опыт формируется в обществе и разделяется большинством его членов. Пусть даже человек плохо знает факты, но все равно его представления об истории – это в основном стереотипы, закрепленные в общественном сознании. Стереотипы влияют и на профессиональных историков, так что источниковедческий, ностальгический, историографический и другие виды опыта, выделяемые О.В. Герасимовым, также в значительной мере зависят от социально-исторического опыта.

Доклад канд. ист. наук, доцента О.В. Головашиной (Тамбовский государственный университет) запомнился необычностью подхода: автор рассказывает о взгляде на историю обычных людей современного общества – этот взгляд во многом формируется не книгами, не письменными текстами, а визуальным рядом, шаблонами в социальных сетях. О.В. Головашина ближе всех докладчиков подошла к проблеме:

«Что обычные люди думают об истории?» Особенно эта проблема интересна в контексте Интернет-культуры. Как указывает автор, сейчас люди, особенно молодежь, очень плохо знают свою историю: разбираются в истории СССР не лучше, чем в истории Киевской Руси. И вторая проблема, поднятая в докладе О.В. Головашиной: обязательно ли в историческом исследовании должно присутствовать объяснение? Те, кто борются с нарративностью с помощью естественно-научных методов, делают акцент как раз на каузальных связях, но нужно ли это? Не является ли объяснение попыткой загнать историю в рамки интерпретации, причем еще более жесткой интерпретации, чем при классическом нарративе?

Темой моего доклада была методологическая программа словаря «Основные исторические понятия» под редакцией Райнхарта Козеллека, который недавно был издан в России в сокращенном виде [1]. Наряду с рассказом об этом словаре я постарался вынести на суд коллег многие спорные моменты моих исследований, а именно: перевод термина *Sattelzeit* как «седловое время», соотношение понятия и слова, понятия и термина, статус истории понятий как методологической программы и самое главное – вопрос о том, могут ли понятия иметь историю? В последнем случае часть исследователей (Тейхмюллер, Гартман, Ротхакер) онтологизируют понятия как воплощения «вечных проблем», следовательно, история понятий в строгом смысле слова невозможна. В то же время существует прагматически-функциональное восприятие понятий как «мыслительных инструментов» (Вебер), как «индикаторов и факторов исторического процесса» (Козеллек), как «концептуализаций мышления» (Барк, Фонтис и Тирзе) или как «схем проведения различий» (Люббе). В этом свете под сомнением оказывается тезис о том, что понятия не могут иметь своей истории. По-видимому, определение грани между изменением прежнего понятия и образованием нового понятия – это вопрос субъективной герменевтической интерпретации.

О тех докладах, которые мне не удалось услышать, можно судить по сборнику статей, изданному перед конференцией [2]. Канд. филос. наук, доцент И.В. Дёмин (Самарский государственный аэрокосмический университет) рассматривает в своей статье две основные современные стратегии критики метафизики – позитивную и негативную. Позитивная стратегия («содержательно ориентированная постметафизическая философия»), представленная в XX в. философией жизни, феноменологией, философской герменевтикой, нацелена на *более исходное* понимание феноменов, нежели то, которое допускает горизонт метафизического мышления: это стратегия онтологического поворота. Негативная стратегия («формальная метафизическая установка»), воплощенная в аналитической философии, структурализме и отчасти постструктурализме, является стратегией отказа от онтологии и «метафизических спекуляций»: это стратегия эпистемологического поворота. Тема

переосмысления метафизической философии истории продолжается в статье канд. филос. наук, доцента И.Л. Зубовой (Ульяновский государственный университет), посвященной роли деконструктивистской методологии для исторической науки. Автор представляет постмодернизм как «новую метафизику», в которой основанием историчности выступает динамика творения человеком смысловой ткани социума (в отличие от прежних онтологий с проекциями мира вечных идей в мир становления). История всегда сотворяется заново здесь и сейчас (дискретность истории), так как человеческое бытие – это состояние перманентного самосотворения своих оснований. Постмодернистское видение истории основывается на текстуальном и интертекстуальном понимании жизни сознания, организующего себя и историю по «ризоматическому принципу». Это исключает метанарратив в гегелевском духе. Как отмечает И.Л. Зубова, деконструкция обладает и разрушающей, и созидательной силой. В состоянии катализа (греч. *kata* – «движение вниз») деконструкция направлена на разрушение рационального дискурса и возвращение знания к доконцептуальному уровню. В состоянии анализа (греч. *ana* – «движение вверх») деконструкция блуждает по ризомному пространству в поисках новых смыслов. В состоянии синтеза найденный смысл ведет к новой организации знания.

Канд. филос. наук, доцент В.А. Давыдов (Государственный социально-гуманитарный университет, г. Коломна) поднял важный вопрос объективности исторических интерпретаций. В современной теории истории проблема объективности рассматривается с точки зрения интерсубъективности: объективной должна считаться та интерпретация, которая находит понимание в научном сообществе. Историков в настоящее время не устраивает как чисто фактологическая направленность в духе позитивизма, так и примат текстологических интерпретаций в духе постмодернизма. Все чаще, интерпретируя какое-либо событие или источник, они обращаются к социальному контексту, позволяющему более полно воссоздать идеофактуальную картину прошлого. Возникающая при этом необходимость привлечения данных психологии, экономики, лингвистики, этнологии делает междисциплинарность постоянным атрибутом современных исторических исследований. Проблеме объективности исторического познания посвящена также статья канд. филос. наук В.В. Инютина (Воронежский государственный медицинский университет), в которой с феноменологической точки зрения идеальные типы Макса Вебера предлагаются как способ концептуализации разных смысловых миров и понимания Другого.

По мнению канд. ист. наук, доцента Д.П. Исаева (Южный федеральный университет), ответом на проблему объективности в современной науке является перевод субъекта познания в позицию наблюдателя: субъект не извне наблюдает исследуемый мир, а помещается в него, тем самым частично опредмечиваясь. Однако субъект познания дает воз-

возможность объекту высказываться монологически: субъект признает, что образ реальности, преломленный в сознании объекта, – это и есть сама реальность. «Наблюдатель» имеет признаки и субъекта, и объекта. Неразложимое единство субъекта и объекта следует из феноменологического тезиса об интенциональной природе сознания: «Нет сознания без предмета, но нет и предмета без сознания». В рамках постнеклассической науки (пост-постмодернизма) признается, что субъект и объект познания детерминированы социально-культурным контекстом. В связи с этим считается, что новое научное знание появляется не из старого знания, а из контекста, из «не-науки». В исторической науке акцент смещается с истинности тех или иных концепций на условия их получения и трансформации.

Изучение контекста – непереносимое условие философско-семиотического анализа исторических источников, которому посвящена статья канд. филос. наук, доцента О.В. Лариной (Коломенский филиал Московского государственного машиностроительного университета). В рамках философско-семиотического анализа все феномены истории рассматриваются как факты коммуникации, а отдельные сообщения организуются и становятся понятными в соотношении с некоторым кодом. Смысл того или иного текста – это сфера не только индивидуального, но и коллективного мировосприятия, поэтому каждое поколение переписывает историю. Автор подчеркивает, что полная объективность философско-семиотического анализа недостижима: налет субъективизма присутствует всегда.

Конвенциональная природа научных концепций – тема содержательной статьи канд. филос. наук, доцента С.Г. Калашникова (Государственный социально-гуманитарный университет, г. Коломна). Сергей Глебович отмечает достоинства конвенциональной модели истины, которая в XX в. пришла на смену корреспондентской модели: она обеспечивает коммуникацию между учеными и регулирует исследовательские практики на основании накопленного опыта. В то же время конвенции вполне могут нести черты субъективности и произвольности; они являются «текущими», коррелируя с изменениями социокультурного контекста. Конвенциональность как характеристика исторического знания анализируется также в статье д-ра филос. наук, профессора А.В. Малинова (Санкт-Петербургский государственный университет). Объектом познания в истории выступают субъекты исторического процесса, следовательно, историческое познание – это субъект-субъектный процесс, это взаимодействие субъекта познания (историка) и субъектов истории. Если в истории всё субъективно, то ориентиры, обеспечивающие взаимопонимание исследователей, должны лежать вне истории – это ценности. Подлинная реальность истории, история как таковая – это ценности и смыслы. Гносеология неизбежно приводит к аксиологии. Историк может постичь прошлое и найти общий язык с другими учеными именно потому, что существуют общие ценности. Объективность в исторической науке не «преднаходится», а задается и признает-

ся в рамках конвенции научного сообщества: объективность intersubъективна и transsubъективна.

Некоторый промежуточный итог дискуссий об объективности исторического знания подведен в основательной статье д-ра филос. наук, профессора В.Н. Сырова (Томский государственный университет). Он сводит все многообразие взглядов на историческое знание к двум исследовательским программам: реализму и конструктивизму. Конструктивизм В.Н. Сыров определяет как позицию, исходящую из того, что история как вид знания возникает для удовлетворения тех или иных социально-культурных потребностей. На этой основе он формулирует условия надежности исторического знания: 1) потребности должны быть таковыми (общественные добродетели), чтобы они заставляли нас быть максимально эпистемологически честными; 2) сознание дистанции между прошлым и настоящим, понимание завершенности прошлого, осмысление прошлого в свете последствий, им порожденных, т. е. в контексте современности. Это представление и лежит в основании конструктивизма: историческая мысль становится возможной только тогда, когда реальные объекты познания (внелингвистические референты) уже исчезли. Третье условие надежности исторического знания: исследовательский текст должен строиться не как описательный нарратив, а как эксплицитное выдвижение и доказательство какой-либо гипотезы. Историки должны открывать «двери своих лабораторий» и тем самым открывать возможности для коммуникации. Только в рамках коммуникации возможно создание и признание (легитимация) исторического знания.

Среди работ, затрагивающих практические аспекты методологии истории, необходимо отметить статью канд. ист. наук, доцента Ю.Б. Костяковой (Хакасский государственный университет), в которой советское общество реконструируется в качестве «тоталитарной медиареальности». По мнению автора, термин «медиареальность» применим не только к современным условиям, но и ко всему периоду, начиная с возникновения периодической печати. Введение категории «тоталитарная медиареальность» в исторический дискурс позволяет расширить возможности и ракурсы изучения истории СССР, а в процессе исторической реконструкции медиареальности широко использовать достижения, результаты и методы макро- и микроистории (истории повседневности), а также устной истории. Такой подход требует широкой источниковой базы, однако не всегда это возможно. При изучении периодов, слабо освещенных в источниках, историки прибегают к методу экстраполяции, который имеет свои сильные и слабые стороны, как это показано в статье канд. ист. наук А.А. Лушников (Пензенский государственный университет) об историографии дохристианской культуры Древней Руси. С одной стороны, метод экстраполяции позволил реконструировать целостную картину восточнославянского язычества по обрывочным сведениям источников. С другой

стороны, без строгого источниковедческого анализа экстраполяция грозит перейти в спекулятивность и мифотворчество.

Д-р филос. наук, профессор Д.В. Полежаев (Волгоградская государственная академия последипломного образования) в своей статье предлагает ментальный подход как универсальный путь осмысления вопросов взаимодействия общества и человека. По его мнению, ментальный подход – это попытка обоснования современной действительности (прежде всего социальных реалий) с точки зрения национальной глубинной духовности и поиск онтологических оснований духовности.

В статье канд. филос. наук, доцента Д.А. Аникина (Саратовский государственный университет) рассматривается проблема применения пространственной методологии в современных исследованиях исторической памяти на примере понятий «граница» и «фронтир». Если понятие «граница» означает четкое разделение и противопоставление двух неких сфер, то «фронтир» выступает скорее как неоднородная прослойка, «буфер» между соседними культурами. Это зона смешения различных траекторий исторической памяти, дающая основания для вариативности и символической конкуренции. В зоне фронта идеологические притязания той или иной культуры утрачивают свое абсолютное значение, что открывает путь для диалога и взаимопонимания.

Упомянутая выше история понятий как продукт немецкой академической среды имеет много общего с англо-американской историей идей, представленной в статье д-ра филос. наук, профессора Л.П. Пендюриной (Южный федеральный университет). Основатель истории идей американский философ Артур Онкен Лавджой (1873–1962) рассматривал идеи в самом широком культурном контексте (отталкиваясь от истории философии), что означало междисциплинарный профиль его метода: содержание идеи зависит от социокультурных условий ее появления, от установок мышления, от имеющихся интерпретаций, от языка и традиций культуры. На вопрос о возможности истории (диахронного изменения) той или иной идеи он отвечал положительно: единство содержания, именуемого идеей, чаще всего оказывается единством имени. Метод истории идей является одним из способов познания мира как культурного текста (по аналогии с воззрениями М.М. Бахтина) или как цепи развития («великой цепи бытия») на основе некоей «архетипической модели».

В заключение хотелось бы подчеркнуть высокую научную значимость конференции «Философия и методология истории»: сбалансированность состава участников конференции, среди которых есть и маститые ученые, и молодые исследователи, – залог плодотворных дискуссий и налаживания перспективного сотрудничества. В определенной мере эта конференция вносит вклад в конституирование научного философско-исторического сообщества в нашей стране, обеспечивая приток новых идей, новых имен, свидетельство чему – представленные на конференции доклады.

Список литературы

1. Словарь основных исторических понятий: избр. ст.: в 2 т. / пер. с нем. К.А. Левинсона; сост. Ю.П. Зарецкий, К.А. Левинсон, И. Ширле; под общ. ред. Ю.П. Зарецкого, К.А. Левинсона, И. Ширле. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
2. Философия и методология истории: сб. науч. ст. VI Всерос. науч. конф. Коломна, 27–28 ноября 2015 г. / отв. ред. С.Г. Калашников. Коломна: ГСГУ, 2015. 507 с.

THE CONFERENCE ON PHILOSOPHY AND METHODOLOGY OF HISTORY IN KOLOMNA

A.V. Gorobiy

Tver State University, Tver

The article reviews the papers presented at the academic conference on Philosophy and Methodology of History that was held at the Kolomna University on 27th – 28th November, 2015. The author, one of the conference participants, analyzes the contents of the papers and raises some controversial issues. An effort is made towards defining the trends of the philosophy of history in Russia and abroad on the basis of this conference proceedings.

Key words: *philosophy of history, historical method, theory of history, memory studies, experience of history, conventionality, objectivity.*

Об авторе:

ГОРОБИЙ Алексей Викторович – кандидат исторических наук, соискатель кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь. Email: alexogor@mail.ru

Author information:

GOROBIY Alexey Viktorovich – Ph.D., Ph.D. student of the Philosophy and Theory of Culture Dept., Tver State University, Tver. E-mail: alexogor@mail.ru